

Блокадный хлеб

Когда однажды я горбушку хлеба
Оставил на запачканном столе,
Мой дед сказал:
- Ты знаешь, что Победа
Далась нам очень тяжело в войне?!
Но не сравнить с семью кругами ада
И не забыть истории тех дней,
Когда сдержал народ блокаду Ленинграда
Ценою жизней тысячей людей....
Его слова застряли где-то в горле.
Он губы сжал, но слез не проронил.
И я почувствовал такое горе,
Как-будто он не здесь, а где-то был.
Он продолжал:
- В далеком сорок первом
Меня отправили на Ленинградский фронт.
Фашист к балтийским подбирался стенам
И на пути его стоял наш взвод.
Тогда я был совсем беспечный парень.
Еще не получил своих наград.
В бою осколком в голову был ранен
И в госпиталь отправлен в Ленинград.
Чтоб немцев бить, мне выжить было надо.
Врачи и сестры в этом помогли.
Но Ленинград попал в кольцо блокады,
Его хотели очень взять враги.
Я ненавидел голубое небо,
Под ним сильней зимой трещал мороз.
Тогда я стал ценить кусочек хлеба,
Кору сосны и почки у берез.
Хотелось жить и, было очень страшно.
Не стало кошек, птиц, затем мышей ...
Нам победить фашистов было важно,
И духом становились мы сильней.
Мы ели лед и кожаную обувь,
Варили из обоев горький суп,
На санках из Невы возили воду,
И согревались лишь дыханьем губ.
Но мы работали и днем и ночью,
Держали фронт, стреляли по врагу.
Без хлеба голодно нам было очень,
По Ладоге его везли в пургу.
В нее укрыться можно от обстрела,

Ведь больше нигде, всюду только лед.
Обозы далеко видны на белом,
Но их не видно, если снег метет.
Одна она была – «Дорога жизни»,
Ее мы защищали, как могли.
По ней везли мечты, надежды, мысли
«Полуторки» с другой большой земли.
Сто двадцать пять давали граммов хлеба
Больным и детям на блокадный день.
Тогда повсюду, где я только не был,
Людей преследовала смерть, как тень.
Нет. Не забыть тех страшных дней блокады.
Их было Восемьсот семьдесят два.
Не сдался Ленинград фашистским гадам,
И вновь над городом шумит листва.
Мы в той войне кровавой победили,
На флаге красном молот был и серп,
Чтоб никогда потомки не забыли,
Что молот – сила; серп – наш дух и хлеб.
Тогда мне стало очень стыдно.
Я взял горбушку хлеба со стола.
Мне было за себя обидно,
Но я запомнил дедовы слова:
- И в час беды, и под счастливым небом,
Вчера, сегодня завтра и вовек
Мы дорожить должны и крошкой хлеба,
Без хлеба жить не сможет человек!

Чекмарев Сергей

Блокадный хлеб

Я вспоминаю хлеб блокадных лет,
Который в детском доме нам давали.
Не из муки он был – из наших бед,
И что в него тогда только не клали!
Хлеб был с мякиною, макухой и ботвой,
С корой. Колючий так, что режет десна.
Тяжелый, горький – с хвоей, лебедой.
На праздник, очень редко – чистый просто.
Но самый сильный голод был, когда
Хлеб мы по два-три дня не получали.
Мы понимали, что война – это беда.
Но каждый день с надеждой хлеба ждали.
Не дни мы голодали, а года.
Хоть раз наесться досыта мечтали.
Кто видел, не забудет никогда,
Как с голоду детишки умирали.

Лидия Хямелянина

Фанерой забито наше окно,
В комнате холодно и темно.
Гул самолётов слышен,
Низко летят над крышей.

Без голоса только губами
Шепчу понятное маме:
«Мама, мне страшно, мама!»
Сто двадцать пять
И больше ни грамма.
О, как бесценен каждый грамм!
Свой хлеб разрезает на части мама
И делит со мной пополам...

Хлеба касаясь руками,
Помню всегда о маме.
Мама, не умирай, не надо!
Свет дадут и пойдёт трамвай!
Мама, будет конец блокады!
Мама! Не умирай!

Л. Береговая

Блокадный мишка

Печь-буржуйка совсем остыла.
Стало в комнате холодно слишком.
В целом мире время застыло.
Тихо хнычет мой младший братишка.
Одеяла больше не греют...
Мы лежим, прижавшись друг к дружке.
Громко воют злые метели.
Стала камнем холодным подушка.
А вчера также выла сирена,
И кричали на улице люди.
А у мамы сегодня смена,
Значит, хлебушек вечером будет.
Брат сжимает в своих объятьях
Мишку с вырванной левой лапой.
Мама в печке сожгла все платья,
А без мишки он очень плакал...
Расскажу я тебе, братишка,
О том мире, где только лето.
Я читала об этом в книжке...
Там, наверное, папа наш где-то.
И, возможно, бабушка наша.
Ты скучаешь по ней, братишка?
И, быть может, к лучшему даже,
Что звучат твои всхлипы всё тише.
Ты поспи до прихода мамы.
И горячий чай у нас будет.
А во сне ты увидишь страны,
Где не знают о войнах люди.
Всё закончится скоро, конечно!
Нас спасут, станет всё как надо.
Ведь зима не бывает вечно.
Лишь бы только дождаться маму...
Тихо падает старый мишка,
Что с оторванной левой лапой.
Осторожно толкну братишку:
Ты зачем его бросил на пол?
Эй, проснись! Возвратилась мама!
Почему ты молчишь, братишка?
... Столько лет прошло, а в кошмарах
Мне всё снится плюшевый мишка...

О. Болдырева

Дневник девочки-блокадницы

Снег выпал рано. И не растаял! —
Налип на крыши и провода.
Сегодня мама пришла пустая...
На ужин снова — одна вода.

Уже промёрзли насквозь окошки,
Мир погрузился в седую мглу.
Полдня я в доме искала крошки:
Везде искала... И на полу...

Пустынный город. Темнеет небо.
И двор походит на мрачный склеп.
Вчера мы съели кусочек хлеба —
И это был наш последний хлеб.

Опять бомбили. Мы с мамой ночью
Тряслись в подвале — плечом к плечу.
Сказала мама: «Не бойся, доча!»
А я в ответ ей: «Я есть хочу...»

И вдруг прильнув к ней и глядя близко
В её ввалившиеся глаза,
Шепнула: «Вот бы пюре с сосиской!
Жаль, о ТАКОМ и мечтать нельзя...»

И что-то в этих глазах погасло...
Ослабли руки, застыла плоть...
Но я заснула: мне снилось масло
И хлеба тёплый большой ломоть....

К утру был холод (свирепый самый!)
Вода промёрзла в ковше до дна.
Сегодня ночью не стало мамы...
Мне только восемь...
И я — одна...

Ю. Вихарева

Воришка

Поймали мальчика с поличным —
Он карточку на хлеб украл.
Кричала баба криком зычным.
Поймали мальчика с поличным.
Он под ударами упал,
А был он, как зайчонок, мал,
Мальчишка, пойманный с поличным,
Что карточку на хлеб украл.

Но кто-то в латаной шинели
Мальчишке подал хлеб: «Возьми!»
А может быть — на самом деле
Высокий, в латаной шинели,
Был, как мальчишка, без семьи?..
И с завистью на них смотрели:
Подумать только — тот, в шинели,
Мальчишке подал хлеб: «Возьми!»

Так был усыновлён воришка,
Рукою доброй уведён.
Всё это жизнь, не только книжка,
Что был усыновлён воришка
И дважды, стало быть, рождён
Блокадный, худенький мальчишка.
...Теперь в ремесленном воришка,
В ранг человека возведён.

В. Вольтман-Спасская

Две конфеты

А Лизе в три года рассказывать вовсе не надо
О том, что огромное зло называется — ВРАГ,
Что голод и взрывы зовут горьким словом — БЛОКАДА,
И то, почему детский садик назвали — очаг.
У детских вопросов так много недетских ответов...
Так трудно поддерживать свет и тепло в очаге!
Сегодня, о радость, — всем детям раздали конфеты,
В ладошки, да не по одной, а по целых, по две!
Конфеты... они в Ленинград прорвались по ленд-лизу,
Проплыв океан... прикрывал их военный конвой...
Теперь лишь желанье одно беспокоило Лизу-
Съесть поровну с мамой ... Скорее вернуться домой!
Съешь, Лизонька, обе — мать дочери всё говорила,
Нет, поровну мама! Я эту возьму! А ты — ту!
И мама сдалась... или просто оставили силы,
Конфета... Вся сразу! Исчезла у мамы во рту!
Ах, мама, — воскликнула Лиза — ты съела так быстро!
А мама ответила эхом внезапной вины:
— Спасибо дочурка! Эх, память! Прожгла словно искра...
Божественно вкусно! ... Как было тогда... До войны!
Среди темноты пробивалась полосочка света,
А мать замолчала... А дочь говорила всё ей:
— Я долго и долго свою буду кушать конфету!
Смотри — сколько долек! Так много и много вкусней!

А. Кропачев